

ЕГОР СТРЫГИН

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЗАБВЕНИЯ

ОТ АВТОРА

Память и история являются единственными источниками информации о жизни человека. Даже начало этого предложения или название сборника уже отыскало себе место в Вашей памяти. Большая часть текстов, напечатанных ниже, представляют собой своеобразные размышления о природе памяти: её искажениях, её распаде на частицы и её интерпретации.

Каждое стихотворение здесь существует в виде эксперимента, где метафоры из одной строчки могут находить отклик в других, а образы кочевать из текста в текст. Хочется предупредить, что не стоит бояться тишины, возникающей после прочтения, ведь это тоже часть всеобщего замысла.

Позову тебя я однажды,
Позову тебя, еле дыша.
Голос скован цепью из жажды
Ни воды под рукой, ни ножа.

Ты придешь вместе с шумом невнятным,
Ослепительный свет принесешь.
И со мной остановишься рядом,
На тебя я совсем не похож.

Ни от имени, ни от свободы
Ничего не оставишь тогда.
Перевозчик через мертвые воды
Брал уроки твои иногда.

И когда ты звала меня раньше
Встать на путь сверкающих врат,
Только знал, что находится дальше
Не Вальхалла, не Стикс и не Ад.

Испытаний там много, я знаю,
Приготовленных лично тобой.
И возможно, пройдя всё, я стану
Может солнцем, а может луной.

Когда-то видел я подобный день.
И, может, ты припомнишь, как бывало,
Когда зимы измученная тень
Внезапно дрожью леденящей пробежала.
Но снега нет. Предчувствием всеильным
Нарушен ритм моей сердечной мышцы.
Тревога скачет шагом семимильным,
А детства дом становится темницей.
Так мало стен разрушить мог когда-то.
За стопкой книг виднеется тоска.
Мечты теперь уже страшнее ада –
И эта участь каждому близка.

А за окном по-прежнему летит
Свободная и лёгкая погода.

НЕМЫЕ СВИДЕТЕЛИ

«Кирпич I»

Я был рождён как горная порода,
Немой свидетель миллионов лет.
Удар киркой и вечная свобода:
Других пород со мною больше нет.

Я камнем стал в слиянии с другими
Частицами, добытыми рукой.
Кругом работают строители живые,
Не зная, что я сам давно живой.

В кирпич холодный однажды превращен был,
Но искра жизни грела душу мне.
И горный пульс весомо учащённый
Стал вечной песней в кирпичной тишине.

Я частью был громадного собора,
Его капелла была так холодна.
Там видел многое: молитвы и поборы,
Мистерий звуки и возгласы со дна.

Затем нагрянул иной подход к святому:
От залпов пушек и сабельной борьбы,
От флагов разных, кричащих про свободу,
Я был расколот. Сгорели все гербы.

Уклад другой и мне стоит меняться,
Хотя по мне теперь гуляет зверь:

Судьба дала приют у свинопаса,
Где я в хлеву держу собою дверь.

«Штык-нож II»

Из доброй стали отлит когда-то был я,
А адский жар характер закалил.
И задыхаясь свежей тульской пылью
Я был царём среди немытых вил.

Потом окоп, где пот с щеки солдата
Через винтовку всё капал на меня.
И внутрь врагов входил я угловато,
И ночь тогда была спокойней дня.

И вот в семнадцатом я посетил столицу,
Со звоном ёмким я трогал броневик.
К чертям орла, когда в руках синица,
Меня в руках крутил уж большевик.

Он не успел воспользоваться верно,
Утих снарядов богомерзкий гул.
Нашёл в земле крестьянин суеверный
И в кузне местной тогда меня загнул.

Мотыгой стал я. Ах, первая картошка,
Что осенью я всем достать помог.
Когда-то воин, а теперь как ложка —
Лишь инструмент, так ржав и так убог.

Но вдруг опять, разбомблены долины.
Стальные птицы несут с собою смерть.
Вместо еды – пространные могилы
Копал тогда я, вгрызаясь в эту твердь.

Нуждам людей внимательно я внемлил
И вместо дела, всё подпирал забор,
Но брошен был в покинутой деревне
И там в земле лежу я до сих пор.

«Витрина III»

Из сочетания кварца, песка и соды
Под температурой больше адского пламени,
Преодолевая застывание и иные невзгоды,
Как стекло красивое был создан я.

Поместили меня по указке людей во фраках
На место для охраны длинной витрины,
Где я стоял при свете солнца, и даже во мраке
Был своеобразным лицом магазина.

Рядом застыли мои друзья – манекены,
Изначально одетые в чёрные тройки.
Но со временем там случились замены:
Манекенов как будто достали с помоек.

Помню ещё, как рядом гуляли пары,
Держась за руки или за что-то другое.
В те времена техника изрыгала клубы пара,

А теперь – лишь подобие летнего зноя.

Был даже случай, когда магазин грабили
Пара мужчин с ржавыми револьверами.
Интересно, что жандармы оказались не слабыми,
Ведь поразили грабителей пулями и своими манерами.

Спустя век наша витрина опять подверглась атаке:
Молодой парень кинул в меня куском камня,
Куда подевались те спокойные люди во фраках?
Наверно тоже стали жертвой этого парня.

Иначе я выглядел в годы всеобщей разрухи:
Почти всё прозрачное тело заполонила реклама,
Перед витриной как клетки в колонии теснились старухи,
Продавая бесчисленные полчища хлама.

Как стало понятно, я видел достаточно много,
Но лишь одна вещь вызывала обиду с самого начала:
Все всегда смотрели на то, что находилось за мной,
А на прозрачное стекло внимания не обращали.

Я, вздохнув тяжело, открываю окно в этот двор.
Там седые деревья да покрашенный наспех забор.
Вдоль бордюра течёт, спотыкаясь об ветер, река.
Подоконник холодный случайно коснулась рука.

На пожелтевшей бумаге написаны чётко слова.
За чернилами скрыты все тайны, но не одна
Не способна закрыть бесконечно пространную брешь
В сердце поэта. Воздух так чист и так свеж.

Поглядеть бы на что-то, что может быть только моё.
Эгоизм ведь такой, Прометеем он был принесён.
И владеть чем-то хочется помимо ручки и сна,
Но держать в руке я обязан осколок пера.

И одежду, и краски, и мебель подарил нам акрил,
А по радио слышу, что кто-то кого-то убил.
Где найти среди терминов хотя-бы слово одно?
Прочитал Даля и Ожегова, но там ничего.

Ничего - это слово, которое опишет всех нас.
От человека остался палец и немного замыленный глаз.
Пространство сужается до точки, а за ней - темнота.
Но даже там от слова исходит лишь теплота.

ПЯТИКНИЖИЕ СТРЫГИНА

«Genesis»

Вибрация. Движение.
Пространство. Свет. Окно.
Единство. Растяжение.
Семь километров. Дно.
Оно. Она. Я. Мы.
Игра. Работа. Семя.
Паромы. Дни. Мосты.
Народ. Свобода. Племя.
Текст. Буква. Символ.
Знак. Звук. Семнадцать.
Льта. Мир. Воздух. Иго.
Три. Восемь. Шесть.
Пятнадцать.

«Exodus»

Трансплантация, движение,
полет, переливание, жжение,
прикосновение, поглаживание,
перемещение, осязание,
бег, самовоспламенение,
бросок, попадание, горение,
побег, перешагивание, рвение,
лиминальность, спасение.

«Leviticus»

Альфа. Берег. Ветер.

Гедонизм.

Демонстрация. Европа.

Ёмкость. Женщина. Земля. Иллюзионист.

Йога. Кайрос.

Лапа. Много.

Некролог. Платон. Россия.

Симулякр. Трансцендентность.

Уравнение. Фашисты. Хтонь.

Целомудрие. Честность.

Шедевр. Щитовидной

Эволюция. Юродство.

Язык.

«Numeri»

Один. Мы в безжизненной пустыне.

Два. Мы свободны от свободы.

Три. Мы путём все одержимы.

Четыре. Часть единого народа.

Пять. Ничего другого нет.

Шесть. Потерять и не найти.

Семь. На безжизненном пути.

Восемь. Одиночество и бред.

Девять. За прилавком санитар.

Десять. Пакет полон стеклотар.

Одиннадцать. Вечер победил листву.
Двенадцать. Как во сне – так наяву.

«Deuteronomium»

Вспомни устаревшее дело.
Вспомни забытый закон.
Вспомни распятое тело.
Вспомни нанесённый урон.
Вспомни по второму кругу.
Вспомни в очередной раз.
Вспомни осла и подругу.
Вспомни плеяду из нас.
Вспомни ветер кварталов.
Вспомни пустынный полёт.
Вспомни, чего не хватало.
Вспомни ковёр-самолёт.
Вспомни кровавую каплю.
Вспомни гору вдали.
Вспомни голубя с цаплей.
Вспомни меня и молись

Обернись, проходя по дороге,
У которой растёт кипарис.
Встань спокойно, не двигая ноги.
И в мгновение то обернись!

Посмотри, что было тут раньше,
Расспроси приведений о всём.
А потом подумай, что дальше
Будет, если туда же пойдём.

Под ногой от бордового грунта
Проступает невинная кровь.
Без причин, как штиль возле бухты,
Повторяется всё вновь и вновь.

В вероломности полную кражу
Превратилось здесь всё ремесло.
И у павшего ангела даже
Оторвалось внезапно крыло.

За спиной, как рюкзак у ребёнка
Все ошибки от ветра гремят.
Ты пойми, что это не гонка,
Значит нужно взглянуть и назад.

За трагедией – самодурство.
Ностальгия страшнее всего,
А виною всему только чувства,
Ведь оставить всё там нелегко.

Шутка дьявола и дар от бога.
То ли вверх идём, то ли вниз.
И живя в этой тёмной эпохе,
Обязательно обернись!

«Агнец»

Когда все части древних обелисков
Рассыпались, лишь обратившись в прах,
Используя апокрифичный список,
Я жертвенник Авраама отыскал...

Ах, Агнец. Конец наступит скоро
Твоим страданиям и моей борьбе,
Хотя царей бессмысленная свора
Лишь помешать сейчас желает мне.
Не бойся, там только взмах кинжала.
Надеюсь, алюминий твою отпустит боль.
Мир пуст и истощен, но этого им мало,
Нефть стала чем-то сильным, чем раньше была соль.

Когда вода отравлена той ложью,
Заполнившей пространство меж людей.

Становится невыносимо сложно
Считать по солнцу сумму чётных дней.

Не стоит думать, что кто-то уцелеет,
Ведь у плутония нет флага и царя.
Глаза горят, неспешно в буре тлея,
Хотя когда-то смотрели на меня.

Ещё лишь шаг. Запрыгивай на камень!

Туда наверно лишь просьбу передам:

Пусть навсегда исчезнет это пламя,

Чтоб не грозило больше оно нам.

Всё кончено. Принёс я эту жертву.

Ягнёнка кровь впиталась в мегалит.

Обуздан страх, нет в этом месте гнева,

Но мир по-прежнему немислимо горит.

И что же? Пойдём все дружно в Геенну?

И у истории будет такой итог?

В тот миг увидел истинную цену

И сам тотчас на жертвенник прилёт.

«Озимандии нашего времени»

Спустись, Эвтерпа, чтобы смог я вспомнить,
Как Перси Шелли в египетской земле
Нашёл в песке: сухом, блестящем, тёплом —
Рамзесу памятник, торчащий в полумгле.
Надменность та все мысли затмевала,
Его страшились: номарх, крестьянин, раб.
Но от величия остались только скалы,
Хоть это было двести лет назад.

Иной набросок явился пред глазами:
В любой стране, на каждом континенте,
Народом прокляты, забыты небесами
Стоят такие же на сером постаменте.
Как и Рамзес они хотели в камне
Свои дела для всех увековечить,
Чтобы веками измученная правда
На их могилах поддерживала свечи.
Один из памятников был особо жутким,
Тот странный человек с протянутой рукой
Как будто бы лишал людей рассудка,
Хотя на площади смотрелся как влитой.
Другой тиран уже в античном стиле
Сидит на троне, смотря куда-то вдаль.
Возможно, правда останется за сильным,
Но за свободным останется мораль.
Иной владыка воспет лишь в барельефах,
Гравюры и портреты ему посвящены,
Но был ли он вообще достойным человеком,
Похоже, никогда и не узнаем мы.

Однако стекло памяти всегда ужасно хрупко.

Без разницы: генсек или номарх.

От всех его великих деяний и поступков.

Останутся в истории осколки, пыль и прах.

«Терминальность. Плохо»

Ком в горле. В горле ком.

Язва открылась. Плохо.

Уши оглохли. Вечный сон

Явился. Очень плохо.

Сфера горит. В ней дед.

Шум все сильнее. Плохо.

Он говорит. Холодный плед

Стал липким. Очень плохо.

Рябь за зрачком. Темнеет всё.

Ноги пропали. Плохо.

Мелькают дни. И это то,

Чего боялся. Очень плохо.

Последний вдох. Я понял всё.

Покинул тело. Плохо.

Горит звезда. Мир искажён.

Закрыв глаза. Всё хорошо.

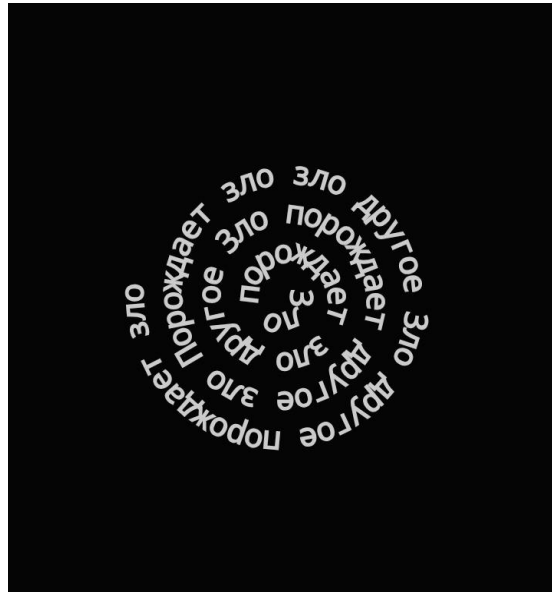
ЗЛО

Зло порождает зло другое

Зло порождает другое зло

Порождает зло зло другое

Зло другое порождает зло

Злбры порождуут злы
дрщугуы
Зщлы порыждайт цкдругое
зло
Порохрждает зчшло щзло
дрчшыгое
Зцклы дчшругое
порождацкет зло

91316 17161816851620 91316
518214166
91316 17161816851620
518214166 91316
17161816851620 91316 91316
518214166
91316 518214166
17161816851620 91316

З_о поро_жае_т ло_о у_о
Зло п_рр_од_о дру_о
П_ро_жд_ое_т о_о о_о о_оо_е
ло_о д_оугое о_оо_же_т зло

Ты вновь и вновь осмотришь отражение
Своей судьбы, не веруя в неё.
Восход луны и солнца приближение
Ты ждёшь с тревогой как хамелеон.

Твой вздох уже застыл навек в том прошлом,
Которое похоже на поток.
А будущее не рождено ещё же,
А настоящее поймать ты и не смог.

Что за стеной из сотен ожиданий
Увидеть в реальности ты точно не готов.
Распят мой парус от твоих страданий,
А мачта сломлена под тяжестью замков.

Взгляни в то зеркало, что же в нем ты видишь?
Свою рубашку, небритое лицо.
А я из головы твоей отлично вижу,
Как ты стареешь, не чувствуя того.

За мелким шёпотом скрывается твой вопль,
А за мечтой скрывается боязнь.
Тебя страшит вернуть контроль над волей,
Тебя страшит лицом ударить в грязь.

Ты посмотри, разрезав моё тело,
Что есть внутри, достойное тебя.
Узнай быстрее, из чего я сделан,
Тогда поймёшь, возможно, ты меня.

Там есть немного никеля и ртути,
И даже аурум возможно отыскать.
Потом увидишь, скрываемые грудью,
Куски души, сердечную печать.

И в наготe, прикрытой лишь стесненьем,
Вся память и все чувства доставлены на стол.
Досмотр твой с особым подозрением
Идёт полжизни - настолько долгий он.

К концу стремится эта церемония.
Растерзан и распят, прозрачен как стекло.
Но, а глаза твои не рады - в них агония,
Ибо на правду глядеть так нелегко.

Элегия. Некрополь. Газетный заголовок:
«Так сильно повезло, иль с магией был ловок,
Что рыцарь настоящий попал случайно к нам...»

Шагая вдоль аллеи из тюльпанов,
Разлился краской от солнца тонкий след.
Коль среди зданий нужного мне нет,
Так приспущу потёртое забрало.
И я узрел однажды, проходя тропой,
Что больше нет того, что я любил когда-то,
Ради чего чертил овалы и квадраты
На полотне щита, стремясь бесстрашно в бой.
Подумать только, всё переменялось.
Наш плоский диск свершил свой оборот.
Зачем архиепископа свой же распял народ?
Возможно это демоны или заморский вирус.
In nomine... уже забыл как дальше,
Но даже эту строчку не помнит здесь никто.
Невежество, греховность - по сути всё одно.
Соборы все на месте, но ярко дышат фальшью,
Что я сомненьем полон, свой продолжаю путь.
Кругом одни железные повозки,
Ах, нет пера, чтоб передать наброском
Зачем же эти смерды создали эту жуть.
Мой конь единственный, которого здесь вижу.
Я понял сразу - тут съели лошадей.
В тени уродских замков, серебряных огней
Всё больше я скучаю по Риму и Парижу:
По ароматам их, по их гудящим звукам,

По рыцарям отважным, по мелкой суматохе,
По всем прекрасным дамам, по счастью и по мукам.
Как бы вернуться мне, назад - к своей эпохе?

Вспомни, друг, как мы бродили раньше
По пустым дорогам, по глухим лесам.
Не страшились мы уйти как можно дальше,
Где сухарь последний ломали пополам.

Время то давно уже пропало,
Водопадом в историю ушло.
Ностальгия накрыла нас туманом,
Память стала запотевшей как стекло.

С беспокойством я гляжу на карту мира,
Там империи рождаются как блохи.
Ах, надеюсь, что проскочат мимо
Интересы их, желанья и другое.

Вновь вернулись иллюзии о хлебе,
Что забыто – больше не мертво.
Если ангел и появится на небе,
То его собьёт обычный ПВО.

За штыком скрывается держащая
Силой пальцев, уставшая рука.
Управляет ей зажатая, дрожащая,
Серо-зелёная, холодная спина.

Приведения прибиты к нашим стенам,
Стоны их в отверстиях пулевых
Шепчут всё о тех, забытых бедах,
В назидание для нынешних живых.

Чёрным маркером замазываем сноски,
Валтасар опять закатывает пир.
Между мафией и властью две полосы,
Между мной и ними целый мир.

«Ной XXI в.»

Судьба так холодна, а будущее снежно,
Что сковывает льдом даже огонь сердец.
И только взмах крыла принёс чуть-чуть надежды:
Радиоактивный голубь, вернулся наконец.

Скажи нам, где ты был? Может увидел страны?
Принёс ли ветки свежей кусочек нам сюда?
Везде всё одинаково? Немного это странно,
Но ты не огорчайся, не улетай пока.

У нас всё как обычно: то свитки, то скрижали.
Зачем-то всё пытаемся улучшить этот быт.
А древние об этом намного лучше знали,
Ведь ящик у Пандоры плутонием покрыт.

Такая наша воля, такая наша общность,
А римская дорога затоплена одна,
Ведь если бы была у них внушительная мощность,
То Карфаген бы стёрли лишь силой «Толстяка».

Корабль наш огромен, хотя людей не много.
Но даже для тебя мы места не найдём.
Сердца ведь не спокойны, когда полны тревоги.
Пока ты не отыщешь для нас хороший дом.

Пусть будут там лишь степи, курганы и деревья,
Нетронутую сушу для нас скорей найди.
Возможно, обнаружим вулканы и ущелья,
Но лишь бы излучение не шло там от земли.

Когда ты вновь увидишь наше племя,
Наш сильный дух и острое копье,
Мужей нагих, привитых от безделья,
Тогда ты вновь увидишь только то,

Что мы в тебе воспитывали раньше,
Что заставляло вставать тебя в пути.
И свет луны в дремучей жуткой чаще,
Тебе напомнит о жизни взаперти.

Ведь изолирован больной от всех здоровых,
На карантин себя закрыли мы,
Хоть и здоровы, но чувствуем свободу
Совсем иначе, чем привыкла ты.

«По заветам Дарвина»

Так много всякого за жизнь меня побило,
Что вихрь огненный хозяйствует в душе.

Твои слова такой же мощной силы –
Как стены рушит могучий требушет.

Мечом стальным не стоит больше биться,
Забыта схватка, пора нам на покой.
Чирикнет глухо замёрзшая синица –
В гнилой телеге отправимся домой.

Иная битва на страницах книги,
Где ямб с анапестом устроили дуэль.
Когда слова поднимутся на пиках,
Тогда и рухнет земная цитадель.

Арес не спит, ведь маховик запущен.
В печах сражений расплавлена судьба.
За солнцем вновь возникли эти тучи,
Смешалось всё: от тряпки до герба.

Вся жизнь борьба – писали люди раньше.
Восстанем вновь в холодный стальной строй,
В Вальгалле воины мечтают о реванше,
Ведь после смерти уже не страшен бой.

В глубоком сне однажды видел город,
Его дыхание, его прохладный бриз,
От куполов и шпилей к земле стремится – вниз,
А северной Невой на части он распорот.

Тот сон был точен, как часы из кварца:
От флагов веет несбывшейся мечтой.
Имперские мотивы окутывались мглой,
А киль так чист благодаря голландцам.

Ван Дейк не думал, что будет в Эрмитаже,
Юпитер даже не знал такой страны,
Но все они судьбою спасены,
Хотя, возможно, не обошлось без кражи.

Поёт тальхарпой проспектов завыванье,
Играет с призмой невская вода.
И всё-таки вернусь когда-нибудь туда,
Чтобы опять увидеть прохладу и туманы.

ФРАГМЕНТЫ

«Фрагменты №1»

Приобрёл однажды телефон,
Кнопочной натурой полон он
 Был, когда его я приобрёл.
А затем купил я стул и стол,
Завершив квартирный ореол.
 Ведь зачем иначе это всё?

Прикупил на рынке диадему,
Чтоб повесить красоту на стену,
 Хотя там прописан был паук.
Звук верблюда слышан из окна,
Караван уводит лишь судьба —
 Странная какая-то диадема.

И дилемма возникла тут с утра
Расстояние от Павла до Петра
Логистически совсем не идеально.
Стоит сталью обрамить икону
 Лик останется, но новый
Будет взгляд с неё холодный.

Вечер знойный на закате
Встречают стоя и в халате.
Только я тогда уже уснул.
Ветер дул как вентилятор,
Кто свободный, кто диктатор
Разберет лишь бог крылатый.

На мне ещё отглажен ворот,
Был бы птицей, был бы ворон,
Он ведь тоже так ухожен.
Сложна надпись на пилюле:
«Принимать лекарство внутрь»—
Значит скоро будет буря.

«Фрагменты №2»

Был однажды я в Перово
Зимой противной. Там недолго
Автомобиль водить учился.
Но выжал газ, забыв про тормоз,
Случайно вышел в дальний космос —
И больше ни ногой в Перово.

Я однажды красил лестничную клетку,
Чтоб передать её потомкам, будучи их предком.
Чёрной краской я её покрасил.
Тут все капли катятся в овраг,
Замкнулась клетка, похоже на ГУЛАГ,
Я наверно краской надышался.

Если б был я древним человеком,
То я камень отыскал бы где-то,
Высекая в нём процессор и экран.
Назло всем нам. Грозя короткой палкой,
Неандертальцы с завистью глядят,
Как я смотрю неандерталок.

Когда дерьмо художника от зависти идёт наружу,

Я понимаю, что Белинский снова миру нужен.

Но где Белинский? Где я? Где вы?

Мосты из книг горят прекрасным пламенем.

Судьба мешает, чтоб был бесславен я.

Закрою "Критику Белинского", увы.

Со скоростью как Чкалов пролетает мост,

Суют куда не надо русский глаз, еврейский нос,

Чтобы почуять и увидеть, что хотели.

А в морозилке всё пельмени. А в морозилке всё мертво.

Но я хитёр и сделаю одно:

От взглядов я закрою шторы, а нос прищемит старое окно.

«Фрагменты №3»

Пытался я однажды рисовать на скучной лекции,

Быть может, Тициану не составлю конкуренции,

Но хорошо, что я хотя-бы попытался.

Я пальцем примерял на девушек красивых,

Чтоб в образе России их всех и написать,

Но отказались все; картина не срослась.

Летел когда-то голубь мира над длинным фронтом

Затем был сбит, но не ракетой, а любовью,

Что исходила от странной тёмненькой голубки.

И сутки с ней ему вскружили голову,

И лишь о ней он только мог мечтать.

Так ветку мира выкинул к чертям и полетел за ней в ту голубую гладь.

В сыром подземном переходе на Беляево
Гомер не лире по ночам играет знаю я,
Но Ахиллес его какой-то буржуазный,
А советская Елена не так уж и прекрасна.
И в переходе, Гомер-товарищ, не играй!
С улыбкой в задницу засунем «Одиссею» и вслед за ним отправим мы
«Букварь».

Какая-то сволочь, сошедшая в с полотен Босха,
В метро ботинок мне отдавила просто.
О гнозисе тогда я только думал и не заметил этой ерунды,
Но помним мы такие вот моменты, закрыв глаза на всякое иное,
Ведь если мчаться в Бутово с Коньково,
Вас встретит плач невинно убиенных с полигона.

Господь помилуй, ведь я кусок вселенской массы,
Но ненавижу я всем сердцем стоять в очередях на кассу.
Пластмассу ел бы по утрам, лишь не стоять опять мне там,
Где все пороки человека видны как в чистом поле.
Была бы воля, я всех спугнул бы собачьим громким лаем,
Но все стоят, ногами шоркая безвольно и ничего не совершая.

«Фрагменты №4»

Так радикально жарится яичница к обеду,
А шпоры прусаков все портят землю где то,
А я мечтаю бросить в безумную толпу, стоя на плахе,
Кусок рубахи под смех из телевизора
Так хочется напиться, забыться

да поскорее убраться
И повторить судьбу Людовика Шестнадцатого.

Радиоволн бесовестных плеяда
Мне в кофе добавляет пару унций яда,
Но я внутри. Замри и ни о чём не думай,
И луком тоже пахнут звёзды Голливуда,
А грустный смог повис над всеми нами,
Но яд пока убить меня не смог.

Захотел однажды я кусочек снега
Трогать пальцами пока на тёмном небе
Спутник связи звёзды заслоняет.
Только снег был желтоватого оттенка.
Хоть и это мерка человеческой свободы,
В морозилке я снег решил потрогать.

В переполненном автобусе все друг другу дышат в ухо,
Так прижались и так слиплись, не проскочит даже муха.
Так прижались там друг к другу все brutальные мужчины,
Что щетиною щекотят всех стоящих впереди.
Я впервые на тусовке, где друг другу дышат в ухо.
Уже скоро остановка, лучше я пойду пешком.

Если б я как Грегор Замза в зверя превратиться мог
Выбор разных насекомых был бы более широк:
У саранчи чревоугодие, алчны пчелы до нектара
Осы все самоубийцы, комары лишь кровь сосут
Жгут наложен был на раны. Превратился утром рано
В идеал своих желаний.

Я превращаюсь в камень невысокий,
И пеплом серым когда-то стану я.
В слова уткнулся под тяжестью трилогий:
Верблюды, ребёнок, лев – достойная семья.
Забыла муза как играть на лире,
Погибель Гектора ложится на баян.
Молюсь, чтоб вспомнили все люди в этом мире,
Что сердце каждого похоже на изъяс.
Когда-нибудь пророки вновь вернутся,
Но кто же им поверит в этот раз?
Ведь древних страх и чувство безрассудства
Живут по-прежнему у каждого из нас.

Ну а ещё, давно всем стоит видеть,
Что всю любовь придумал нам Овидий.

Как падает снег с иссохшей ветки,
Как пыль слетает с толстой книги,
Как капает кровь с ржавой пики,
Как стекают слёзы с красивой салфетки.

Как заходит солнце за чужой горизонт,
Как теряется в толпе одинокий прохожий,
Как нервы шалют там где-то под кожей,
Как от капель дождя очищается зонт,

Как играют растения при виде ветра,
Как ломается вечность при движении рук,
Как звучит в тихой роще полусъеденный бук,
Как воет в пустыне забытая Пётра.

Как рабы по Сицилии гордо гуляли,
Как киты в океанах топили суда.
Как сжигала деревни когда-то Орда,
Как терялись туристы на одном перевале.

Расскажи мне про всё да поведай в деталях,
Не носи в одиночку такой тяжкий крест.
Но закон есть такой, чтобы люди узнали:
Только слово поможет. Донесёт всё лишь текст.

Стонай, труба! Играй быстрее, лира!
Алмаз похищен из крепости большой.
С ухмылкой смотрят все владыки мира
Как был проигран этот тихий бой.

И не простит династия пропажи:
Алмаз восточный – семейный бриллиант
Украден нагло из-под взора стражи,
И артефакт такой уж не вернут назад.

Придворный маг, закрытый в длинной башне,
В тяжёлый миг был нужен королю.
Тот выпустил его и пару книжек важных
Ему отдал. И даже хрусталём

Он обещал тотчас осыпать старца,
Коль тот ему создаст большой алмаз,
Который будет чист, без примесей и кварца,
Который будет сверкать как хитрый глаз.

Мудрец открыл страницы древней книги,
Там алхимический описан ритуал
На греческом, немного на латыни.
Король, естественно, тех языков не знал,

Но всё кричал под волшебнику под руку,
Чтоб новый камень больше книги был,
Чтоб свет был быстр как стрела из лука,
Чтоб ярк был как масло и акрил.

Но вместо жира, был взят кусочек мыла —
Мудрец ошибся, доверевшись словам.
Гордыня короля его тогда сгубила
И в драгоценный камень он превратился сам.

Молчи, труба! Скорей замолкни, лира!
Алмаз поставлен в крепости большой.
И смотрят с завистью все владыки мира
Как бриллиантом стал простой король.

Наши предки каких-то сто лет назад видели
Как быстро менялся мир. И по его следам
Мчались они от фотографии к видео
А что же останется нам?

Ещё они с нетерпением наблюдали,
Как рушились древние империи напополам,
И как самолёты обрастали оружием и сталью.
А что же останется нам?

Были и баррикады на улицах Москвы и Парижа,
И свобода всего, и недоверие к разным словам.
Человек покори́л небо и сразу забрался повыше,
А что же останется нам?

Там были века золота, серебра и изгнания,
Выставки в галереях и чтения по ночам,
Прорывы в науке и утеря сознания,
А что же останется нам?

Ярко сверкали на солнце потертые латы,
Огонь тех эпох постепенно в культурах угас.
Если также будем считать, что бездарны мы,
То, что же наши потомки скажут о нас?